

Татьяна Кузовкина

Biographia Sub Specie Semioticae

Обзор международной конференции в Таллинском университете

Эстонский фонд семиотического наследия при Таллинском университете 30 мая — 1 июня 2014 года в рамках Шестых Лотмановских дней провел конференцию, посвященную изучению биографии *sub specie semioticae*.

Основной задачей Фонда, созданного по инициативе проф. Рейна Рауда в 2005 г., является творческое развитие научного потенциала лотмановского наследия в области семиотики, теории литературы и истории культуры. Одним из направлений деятельности Фонда является разбор и описание переданного в Таллинский университет архива и личной библиотеки Ю. М. Лотмана и его супруги, профессора Тартуского университета З. Г. Минц. Важное значение придается изучению научных биографий этих ученых.

Тематика ежегодных научных конференций традиционно связана с наследием Ю. М. Лотмана¹. В 2014 г. она опреде-

лялась работами, посвященными изучению биографии: *Бытовое поведение и типология культуры в России XVIII в., Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века, Декабрист в повседневной жизни, О Хлестакове, 'Договор' и 'вручение себя' как архетипические модели культуры, Биография – живое лицо, Литературная биография в историко-культурном контексте и других.*

За три дня конференции было прочитано более шестидесяти докладов в параллельных секциях на русском и английском языках. Самым впечатляющим событием можно назвать открытое заседание, проведенное правозащитным обществом 'Мемориал'. Председатель правления Арсений Рогинский (Москва) рассказал о научно-исследовательских проектах, посвященных реконструкции биографий жертв политического террора

¹ Лотмановские дни проходят с 2009 г. Их материалы публикуются в серии *Acta Universitatis Tallinnensis*.

Humaniora. В серии *Bibliotheca Lotmaniana* публикуются материалы архива, мемуарные тексты, переписка.

в СССР и тех, чьими руками они осуществлялись. Сотрудники общества поделились методикой поиска биографических данных в условиях жесткого контроля над информацией. В частности, опытом реконструкции фактов из косвенной информации в открытых источниках, в которых так или иначе могут дублироваться сведения, содержащиеся в закрытых государственных документах. Просветительский проект 'Мемориала' для старшеклассников *Человек в истории. Россия — XX век* дает возможность 'открыть' для широкого пользования семейные архивы людей, чьи биографии часто не зафиксированы в государственных хранилищах. Именно такой круг источников проанализировал Никита Петров (Москва), который составляет биографии чекистов (сотрудников госбезопасности), Александр Даниэль (Санкт-Петербург) поделился опытом реконструкции биографических данных по фрагментам архивно-следственных дел. После доклада Александра Черкасова (Москва) о насильственных исчезновениях и пропавших без вести в вооруженных конфликтах последних двадцати лет на Северном Кавказе выступил Габриэль

Суперфин (Бремен). Обобщая сказанное сотрудниками 'Мемориала', он обратил внимание аудитории на то, что стиль и методы нынешнего государственного режима России приблизились к мрачным сталинским временам. Ирина Флиге (Санкт-Петербург) рассказала о проекте *Право на имя: биографика XX век*, представила ежегодные конференции и издания, над которыми работает санкт-петербургское отделение 'Мемориала'. Аудитория сочувствовала российским исследователям, понимая политическую злободневность их сугубо академических исследований. В момент написания этого обзора ситуация осложнилась: 'Мемориалу' в очередной раз угрожают закрытием.

В пленарном докладе Райнера Грюбеля (Ольденбург) концепт 'писание жизни' (life writing) определялся как преодоление оппозиции 'активная ↔ пассивная жизнь'. Докладчик противопоставлял аполлонический и дионисийский типы 'жизнеписания' и две соответствующие им модели интерпретации. Дионисийский тип, представленный в автобиографии Фридриха Ницше 'Ессе homo', подчеркивает неповторимую единичность индивидуальной жизни

человека. Аполлонический тип, присущий автобиографическому дискурсу Жака Дерриды ("L'animal que donc je suis (à suivre)"), характеризуется концептуализацией всеохватывающей общей жизни животного, человека и Бога. Филипп Лежен представляет дионисийскую, а Поль де Ман – аполлоническую модели интерпретации. На примере Василия Розанова Р. Грюбель показал различия автобиографического, эпистолярного и биографического модусов 'жизнеписания' и проанализировал их основные жанровые и семиотические различия.

Целый ряд докладов продолжал тему пересечения идеологического и биографического дискурсов, рассматривая 'право на биографию' в качестве культурного кода. Так, анализируя полемику вокруг статуса и биографии знаменитого русского историка Тимофея Грановского, которая разгорелась в русской прессе в 1855–1858 гг., Алексей Вдовин (Москва) показал, что профессионализации знания и спецификации науки шли в это время рука об руку с русификацией. В России конца 1850-х годов существовали конфликтующие парадигмы биографического нарратива, посвященного деятелю науки: 'рус-

скость', аскетизм и научное пуританство противопоставлялись 'немецкости', артистизму, эпикурейству. Доклад Марины Акимовой (Москва) был посвящен реконструкции стратегии поведения в условиях нарастающего идеологического давления, которую выбрал для себя Б. И. Ярхо. Обнаруженные докладчицей архивные материалы показали, что, занимая независимую гражданскую и человеческую позицию, ученый находил доступные формы личной самозащиты и сопротивления режиму. Майя Кучерская (Москва) на основании неопубликованных материалов из РГАЛИ проследила все перипетии истории издания биографии Н. С. Лескова, написанной его сыном А. Н. Лесковым. Замысел и текст книги *Жизнь Николая Лескова* (1954) менялись в зависимости от идеологических моделей и культурных предпочтений советского государства середины 1930-х – начала 1950-х годов, в первую очередь, его имперских амбиций. В докладе Давида Фельдмана и Оксаны Киянской (Москва) речь шла о скандальных моментах в малоизученной биографии Владимира Нарбута 1920-30-х гг. Елена Струкова (Москва) сопоставляла мемуарные источ-

ники (воспоминания, биографические интервью и автобиографии) участников перестройки, показав, как эта группа биографических текстов демонстрирует личный опыт политической деятельности разных социальных слоев общества. Милена Миленина (Киев) анализировала результаты полевых исследований, проведенных на Майдане в первые месяцы 2014 г., сосредоточившись на особенностях семиозиса в танатологическом революционном дискурсе. После расстрела более ста активистов протестного движения сведения о погибших, полученные из СМИ, из соцсетей, в штабах региональных сотен, слагались в устные биографические рассказы о 'небесной сотне'. Изложение результатов исследования генезиса и структуры этих фольклорных текстов воспринималось аудиторией в контексте продолжающихся событий на Украине.

Группа докладов была посвящена проблеме достоверности биографических источников и трудностям, возникающим при их интерпретации. Екатерина Лямина (Москва) напомнила аудитории формулу Тынянова об источниках официального происхождения – 'парадные документы врут как

люди' – и предложила распространить ее и на персональные автобиографические источники. При создании последних происходит 'внутреннее переформатирование': текст, в котором господствует *Ich-Erzählung*, волей-неволей встраивается в гипертекст, где господствует уже 'всезнающий автор'. Трудности в интерпретации возникают даже тогда, когда источники синхронны жизни пишущего их человека, как, например, подготовленный к печати Екатериной Ляминой дневник императора Николая Первого. Уникальное по насыщенности и плотности биографических деталей автоповествование парадоксальным образом не упрощает, а усложняет задачу создания на его основе реальной биографии императора. Дмитрий Долгушин (Новосибирск), рассмотрев разные попытки концептуализировать биографию Г. С. Батенькова – и как революционера и политического деятеля, и как религиозно-философского мыслителя и мистика, – пришел к выводу, что Батеньков был человеком в поисках биографии. В течение жизни он пытался освоить несколько жизнестроительных стратегий, используя то сентименталистский код 'милого вместе', то код кантианской

философии, понятой им как способ структурирования времени и пространства (инженерная, административная и законотворческая деятельность), то 'наполеоновский' код (декабризм); то романтический код 'узника'. Ни одна из этих биографических стратегий не осуществилась полностью. Александр Бурмейстер (Гренобль), который более чем полвека сосуществует с героем своих исследований Николаем Станкевичем, на основе пересмотра биографических источников оспаривал устоявшееся мнение о Станкевиче как о 'недопеченном гегельянце' и по-новому оценивал его вклад в развитие русской общественной и философской мысли.

Отдельное заседание было посвящено истории и теории изучения биографии как семиотического феномена. В совместном докладе Ларисы Найдич (Иерусалим) и Анны Павловой (Майнц) рассматривались лингвистические особенности биографических текстов, а именно – оценочность как универсальное свойство языков, своего рода модальность, проявляющаяся в грамматике и семантике. Докладчицы подчеркнули, что уже сам выбор героя повествования указывает на прагматиче-

скую пресуппозицию: речь идет о выдающемся персонаже. Оценочность выражается и в отдельных высказываниях, и в развитии нарратива. По мнению Елены Рабинович (Санкт-Петербург), в древнеклассическую эпоху биографическое предание о знаменитом человеке бытовало не только и не столько в виде связных итоговых текстов (биографий), сколько в виде кратких рассказов – анекдотов, прежде всего апофтем, которые служили в жизнеописаниях живой иллюстрацией характера. Анекдоты эти иногда собирались в особые сборники, но чаще включались в тексты разного назначения: исторические, риторические, поэтические – а иногда и в жизнеописание другого лица, с которым герой анекдота был как-то связан. Как показала докладчица, твердость жанровых правил не всегда выдерживалась: наличие нескольких преданий о знаменитом человеке могло привести к тому, что в одном и том же сборнике он мог быть изображен иным, чем в собственной 'биографии'. Георгий Левинтон (Санкт-Петербург), подытоживая свои многолетние наблюдения, сравнивал романы Ю. Н. Тынянова и его биографические исследования. Не-

которые факты из мемуарных источников, которые Тынянов-исследователь считал вымыслом, для Тынянова-автора романов становились художественно значимыми. С другой стороны, чисто теоретические работы Тынянова также находили отражение в романах. Так, например, фигура Грибоедова в *Смерти Вазир-Мухтара* является воплощением теоретических построений Тынянова о герое художественного произведения как искусственном соединении несоединимых черт, скрепленных только именем.

Игорь Пильщиков (Таллин) проследил развитие теории биографии от классической работы Г. О. Винокура *Биография и культура* до работ Ю. М. Лотмана. Эта историческая перспектива позволила по-новому оценить вклад в изучение биографии Ю. М. Лотмана. В конце 1983 г. Лотман объединил ряд своих статей в книгу, которая должна была выйти в Берлинском издательстве Ferlag der Kunst под заглавием *Биография – живое лицо* (издание не состоялось). Планы книги и вступительные статьи к ней хранятся в Фонде. На заседании, посвященном Ю. М. Лотману, Т. Кузовкина (Таллин) проанализировала эти материалы, подчеркнув,

что для Лотмана понятие биографии было связано прежде всего с социально-семиотическим кодом культуры. Лотман выделял две точки зрения на биографию: внутреннюю, определяемую самим человеком, выбирающим модели поведения, и внешнюю – ‘взгляд’ на биографию с точки зрения культуры, социума. В книге предполагалось рассмотреть ‘семиотико-историческую психологию’ людей, которые смотрели на свою жизнь как на сознательно структурируемый текст, чье поведение было обращено к зрителю /читателю. Эту форму деятельности — процесс внутренних психологических и волевых усилий личности, направленных на построение своей биографии, — Лотман предлагал рассматривать как художественную, сравнивал ее с созданием художественного текста. О том, что и сам Лотман выстраивал текст своей жизни свидетельствовали другие доклады ‘лотмановского’ заседания. Пеэтер Тороп (Тарту) рассмотрел автобиографическую внутреннюю речь Ю. М. Лотмана, проявившуюся в его зарисовках. Психологические, мифологические и семиотические подтексты рисунков как маргинальных лотмановских текстов доклад-

чик сравнил с внутренней речью Ф. М. Достоевского. В таком ракурсе – как часть биографического текста – рисунки Лотмана рассматривались и ранее: на конференции *Музы водят хоровод: Лотман и искусство*, прошедшей в Венеции в ноябре 2013 г. Михаил Трунин (Таллин) рассказал о ходе работы над подготовкой второго, исправленного и дополненного, издания переписки Ю. М. Лотмана с Б. А. Успенским и о проблемах его комментирования, связанных с биографиями участников переписки. Галина Пономарева (Таллин) изложила историю научных и личных контактов Ю. М. Лотмана и ректора Тартуского университета Ф. Д. Клемента, реконструированную ею на основе архивных изысканий.

Значительный круг докладов представлял собой результат работы их авторов над библиографическим словарем *Русские писатели: 1800–1817*. В выступлении Алексея Балакина (Санкт-Петербург) были освещены некоторые методологические проблемы библиографических и архивных разысканий, необходимых для реконструкции биографий писателей первой половины XIX века. Ряд случайных находок позволил А. Балакину по-

нять, кто скрывался под псевдонимом ‘П. Шарш’ и реконструировать биографию одного забытого поэта 1840-х годов. Инна Булкина (Киев) говорила о перипетиях складывания литературной репутации А. В. Тимофеева, необычайно плодовитого и несомнительного автора *Библиотеки для чтения*. Репутацию ‘поэта Тимофеева’ создавал и поддерживал

О. И. Сенковский, но только до той поры, пока не охладел к своему журнальному предприятию. Умение Тимофеева воспроизводить образцы высокого романтизма оказалось никому не нужным, и он ‘исчез’ из литературной жизни. Анализируя свой опыт работы над словарной статьей о поэте и стиховеде В. А. Чудовском, Елена Куранда (Санкт-Петербург) вспомнила еще раз размышления Ю. М. Лотмана о ‘праве быть биографом’. В случае написания биографии малоизвестного персонажа возникают проблемы отбора материала, адекватно представляющего круг его общения и внутреннюю историю. Авторы словарных статей зачастую переписывают историю литературы, открывая забытые имена, произведения, литературные общества. Эти размышления подтвердил и до-

клад Сергея Гаркави (Санкт-Петербург) о драматургии, режиссере и актере Н. Н. Урванцове. Отношение Урванцова к 'высокому искусству' парадоксально: наибольших высот он достиг в жанре коротких сатирических пьес, придавая в то же время особое значение раннему эпигонскому циклу стихотворений в прозе; поиск новых путей в драматургии сочетал с неприятием модернистских экспериментов Мейерхольда. Доклад Татьяны Нешумовой (Москва) был посвящен уникальному жизненному и литературному опыту Е. Я. Архиппова (1880–1950), критика, поэта, первого библиографа И. Ф. Анненского. Сопrotивляясь удушающей атмосфере советского времени, Архиппов жил в мире воспоминаний о литературе Серебряного века, создавая многочисленные рукописные книги. Один из нынешних руководителей коллектива сотрудников словаря Михаил Эдельштейн (Москва) поделился своими изысканиями по поводу 'фантастической личной судьбы' поэта В. Ю. Дрентельна (1858–1911). До сих пор исследователи не доверяли свидетельству современника о том, что Дрентельн, покинув Россию в 1890 г., стал главнокомандующим армией во время войны

Чили с Боливией. Однако чилийские источники, изученные докладчиком, подтверждают и значительно дополняют это свидетельство. Грустным комментарием к этому кругу докладов стало дополнение М. Эдельштейна о проблемах ненаучного характера, замедляющих ход работы над предпоследним шестым томом фундаментального издания.

Говоря о семиотических механизмах порождения биографических текстов, участники конференции не могли обойти вниманием и эго-тексты. Людмила Луцевич (Варшава) представила исторический очерк исповедального дискурса в светских текстах: от *Чистосердечного признания в делах моих и помышлениях* Дениса Фонвизина до *Биографии-исповеди* Петра Лаврова. Докладчица выделила и описала типологически сходные причины возникновения исповедального дискурса у авторов разного времени: кризисные моменты в физической и/или в духовной жизни. Нина Панина (Новосибирск) посвятила свое выступление описанию художественных особенностей дневника поручика Семеновского полка А. В. Чичерина, который обычно рассматривался в ряду доку-

ментальных свидетельств о военных событиях 1812–1813 годов в качестве источника для реконструкции образа жизни дворянской молодежи начала XIX в. и зарождения идей декабризма. Дневник был опубликован в 1966 г. без сопровождавших повествование рисунков. Докладчица убедительно показала, что таким образом художественная целостность текста была нарушена: Формат, расположение относительно заглавий и текста, а также жанровое разнообразие изображений говорят о продуманной конструкции книги, в которой текст и иллюстрации создают неразрывное художественное единство. Александр Федута (Вильнюс) подчеркнул, что эго-тексты создаются с учетом позиции не только непосредственного читателя-современника, но и провиденциального читателя. Он сравнил способы авторепрезентации мемуаристов и литераторов XIX века: Ф. Ф. Вигеля, Ф. В. Булгарина, О. А. Пржецлавского и М. А. Корфа. У этих авторов при жизни была неоднозначная репутация, но каждый из них думал о том, каким он предстанет в глазах потомства. А. Федута проанализировал, насколько результативной оказалась избранная ими

стратегия общения с читателем-потомком. Клаудия Кривеллер (Падуя) говорила о формах саморепрезентации в автобиографических сочинениях Андрея Белого, по преимуществу – в автобиографической эпопее (*Котик Летаев, Крещеный китаец, Записки чудака*). Докладчица проанализировала стратегии автомифологизации, применявшиеся Белым: умножение образа ‘Я’, разные варианты ‘замены’ (например, зооморфизм). В современных работах о Белом (Ф. Гаспарини, В. Колонна) исследуются главным образом нарратологические аспекты творчества Белого, его произведения ставятся в один ряд с автобиографическими произведениями модернистов (С. Нальбантиан) или приближают к современным формам саморепрезентации (autofiction). Клаудия Кривеллер, используя семиотические методы изучения ‘текста в тексте’, сопоставляла автобиографическую эпопею Белого с другими его произведениями и с русской автобиографической традицией в целом. Доклад Наталии Злыдневой (Москва) фокусировался на семиотических проблемах жанра автопортрета, соотношении изображения и слова. На основе структурно-

типологического сопоставления автопортретных серий и эго-текстов художников докладчица показала, как доминирующие мотивы и нарративные скрепы в автобиографиях обнаруживают зависимость от литературных и историко-культурных стереотипов, в то время как живопись эти стереотипы последовательно разрушает. В контексте поэтики авангарда, ориентированной на автокоммуникацию, автопортрет оспаривал первенство у жанра литературной автобиографии. Наталья Злыднева затрагивала проблемы визуальной самоидентификации: на уровне прагматики (изображение как жест), семантики (пейзаж и натюрморт в функции автопортрета), структуры текста (метастилизм), а также с точки зрения паратекстуальности (подпись и пр.). Микела Вендитти (Неаполь) говорила об *Автобиографии* К. Ф. Юона в контексте теории о художественной форме ГАХН. Роман Бобрик (Сельдце) поставил вопрос о 'пределах' автобиографичности в поэзии. Рассматривая тексты Збигнева Херберта, он показал, что прежде всего следует говорить о функциях автобиографических мотивов в определенных текстах и в авторской системе

поэта, о том, зачем и какими средствами он моделирует свою художественную биографию.

Ряд докладов был посвящен изучению авторских стратегий и их рецепции. Наталья Осипова (Киров) представила позднее творчество Л. Н. Толстого как альтернативную автобиографию, вариант повторного проживания точки экзистенциального выбора в форме художественно рассказанной истории. Такая автобиография базировалась на новой религиозно-этической концепции писателя и как бы переписывала заново сценарий его жизни, исходя из осуществления иных решений, иных поворотов судьбы и иного морального выбора. О рецепции созданного Л. Толстым образа 'писателя Толстого' в Польше говорила Иоанна Пиотровска (Варшава), подробно рассмотревшая стихотворения на смерть писателя в польскоязычных журналах Российской империи. В докладе Натальи Бартош (Новосибирск) было показано, как Оскар Уайльд строил свою биографию, используя мотивы музыкальной драмы Вагнера *Тангейзер*. Понять механизмы превращения бытия в художественный текст помогли письма и дневники Уайльда.

Эпизоды жизни писателя кажутся абсурдными с точки зрения обыденного сознания, но обретают смысл в контексте тангейзеровской 'мифотемы'. Татьяна Колядич (Москва) рассказала об особом образе автора в романах Василия Аксенова, который она определила как 'кочующую маску'. Этот образ вводится особым нарративным соглашением с читателем, обозначенным специфическими риторическими конструкциями и обращениями, и поддерживается двойным жанровым кодом – биографического и социально-политического романа.

Два доклада были посвящены чисто литературному материалу: изучению биографий героев художественной литературы. Анастасия Готовцева (Москва) рассматривала функции биографии Наполеона как осознанного культурного факта в построении художественного, исторического и мемуарного нарративов (на примере текстов Ф. Булгарина, Ф. Достоевского и Л. Толстого). Речь шла и о персонажах, непосредственно участвовавших в наполеоновских войнах, и о героях, так или иначе соотносящих себя с наполеоновской эпохой и пытающихся построить вокруг этого свою 'биографию' как что-то леген-

дарное, достойное мемуаров. В докладе был показан механизм появления художественного эффекта за счет 'сдвига', возникающего между представлениями читателей об историческом персонаже и той характеристикой исторического лица, которую навязывает ему автор. Доклад Вадима Парсамова (Москва) был посвящен сравнению биографий двух литературных персонажей: Жюльена Сореля и Аркадия Долгорукого. Докладчик доказал, что типологическое сходство биографий героев Стендаля и Достоевского основано на сходстве функций этих персонажей в структуре романного повествования. Хотя факт чтения Достоевским произведений Стендаля не подтверждается прямыми свидетельствами, вопрос о типологическом сходстве главных героев *Красного и черного* и *Подростка* правомерен уже в силу того, что это романы воспитания.

Подытожил результаты трехдневных дебатов Михаил Лотман (Таллин) в докладе *Автор: жизнь после смерти*. Он выстроил парадигму исследовательского дискурса биографии, начиная с классической работы Ролана Барта *Смерть автора* и кончая новейшими семиотическими

теориями построения биографического дискурса. Конференция продемонстрировала широкий спектр теоретических подходов в биографических штудиях, актуальность проблем и методов, выработанных кругом ученых Тартуско-московской семиотиче-

ской школы. Отдельного рассмотрения заслуживает проблема изучения биографий и автобиографий, созданных в переломные моменты истории, особенно – в наши дни.